

Заложничество в Сибири в начале 1920-х годов

Савин А.И., Тепляков А.Г.

Печатный аналог: Савин А.И., Тепляков А.Г. Заложничество в политике большевиков в Сибири в начале 1920-х годов // Голоса Сибири: литературный альманах. Вып. 10. Сост. М. Кушникова, В. В. Тогулев. Кемерово, 2009. С. 609–624 (текст), 1131–1135 (примечания).

«Практика заложничества у нас по Сибири существует и в местах сильного бандитизма она необходима» [1]

Заложничество в политике большевиков

Заложничество, наряду с кровной мезью, относится к одному из наиболее архаичных социальных институтов, широко практиковавшимся человечеством в эпоху родового строя при контактах с чужаками. Заложниками обменивались как залогом верности при заключении договоров. После распада родового строя обычай взятия заложников постепенно становится рудиментом, уступив свое место в системе международных отношений письменным договорам. Возрождение института заложничества приходится на XX век, когда оно вновь стало широко практиковаться противоборствующими сторонами в ходе многочисленных войн и конфликтов [2]. Практика заложничества является одной из наиболее нелюбимых страниц истории Гражданской войны в России.

Задача настоящей публикации, помимо обнаружения уникальных документов о применении заложничества [3], состоит в первой попытке специального изучения проблемы заложничества в Сибири как одного из элементов карательной политики большевиков [4].

Первый историограф заложничества в Советской России — С. П. Мельгунов — совершенно справедливо связал возникновение этого явления с объявленной большевиками в сентябре 1918 г. политикой «красного террора» [5]. В приказе от 2 сентября 1918 г. «О красном терроре» руководство ВЧК потребовало «арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке организовать, поднять восстание, напасть на

караул — немедленно расстреливать» [6]. Примечательно, что в постановлении СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., которое фактически узаконило приказ ВЧК, термины «заложники» и «заложничество» не употреблялись, и лишь неопределенно указывалось, что подлежат расстрелу все лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [7].

С сентября 1918 г. заложничество стало неотъемлемой частью карательной политики большевиков. Уже 8 сентября 1918 г. «Известия» публиковали сообщения местных чрезвычайных комиссий о взятии заложников [8]. Очевидно тогда же была разослана телеграмма за подписью Ф. Э. Дзержинского об усилении надзора за партиями левых эсеров и меньшевиков, в которой глава ВЧК требовал от всех губчека «учредить самый строгий надзор за этими партиями и забирать заложников из ихней среды, устно заявлять, что они отвечают своей головой» [9]. Ярым сторонником заложничества был Л. Д. Троцкий, который вплоть до конца своей жизни отстаивал моральное право пролетариата на расстрелы заложников [10].

О том, какой размер сразу же приобрело заложничество, косвенно свидетельствует постановление VI Всероссийского съезда советов от 6 ноября 1918 г. об освобождении некоторых категорий заключенных:

«Освободить от заключения всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов. Необходимость дальнейшего содержания под стражей заложников такого рода для каждого отдельного лица может быть установлена только Всероссийской Чрезвычайной комиссией. Никакая другая организация не имеет право брать заложников и содержать их под стражей» [11].

Находившиеся в подполье большевики Сибири не имели возможности практиковать террор в отношении своих политических противников. Но потенциальные возможности института заложничества были оценены ими по достоинству. На состоявшейся нелегально 20–21 марта 1919 г. в Омске II Всесибирской конференции РКП(б) среди прочего было принято следующее решение:

«Ввиду жестокого разгула белого террора по всей Сибири [...] обратиться в Советскую Россию с требованием — усилить красный террор, с требованием массового уничтожения белых заложников, ибо только красный террор может приостановить систематическое истребление наших товарищей» [12].

И если сибирские подпольщики в 1919 г. могли лишь просить советские власти об усилении красного террора на контролируемых большевиками территории, то красные партизаны в Сибири не только истребляли пленных [13], но и широко практиковали заложничество, уничтожая в массовом порядке лояльных белым властям зажиточных казаков. Так, партизаны отряда М. Назарова 3 сентября 1919 г. зарубили 116 казаков, взятых в заложники после сдачи центральной на Бийской казацкой линии станицы Чарышской; тогда же уничтожению подверглись маральевские и слюденские казаки-заложники [14].

После восстановления советской власти в Сибири вопрос о заложничестве был поднят в связи с началом многочисленных крестьянских восстаний. Уже 16 июня 1920 г. командование Западно-Сибирского сектора ВОХР в своей инструкции уездным тройкам по борьбе с дезертирством и бандитизмом приказывало «с целью воздействия на население, укрывающее дезертиров и бандитов и способствующее им», применять «конфискацию имущества, наложение контрибуции, взятие заложников и назначение на принудительные работы» [15]. После Колыванского восстания в июле 1920 г. чекисты объявили о раскрытии в Новониколаевске «Организации комитета борьбы с коммунистами». Взятых ранее заложниками горожан обвинили в причастности к этой организации и расстреляли в июле 1920 г. — более 30 чел.

Но уничтожали заложников не только военные и чекисты. Когда наступавшие на Павлодар отряды повстанческой Народной армии Степного Алтая под руководством Ф.Д. Плотникова 27 июля 1920 г. подошли к станице Подстепная, перепуганное руководство Павлодарского ревкома во главе со старым большевиком Т. Д. Дерибасом постановило расстрелять 24 чел. из 56 взятых заложников, что и было исполнено в три часа утра 28 июля. Среди расстрелянных были 8 казаков, четыре «кулака», «павлодарские буржуа», причисленные к кадетам, а также врач, лесничий и еще ряд лиц, обвинявшихся в антисоветской агитации, активном участии в свержении большевистской власти в 1918 г. и даже в шпионаже, как якобы наблюдавшие за «перемещением боевых частей павлодарского гарнизона». В качестве компрометирующих данных на многих расстрелянных значились дела, заведенные на них Семипалатинской губчека.

Суд над Дерибасом и его подчиненными фактически вылился в одобрение их самочинных действий, поскольку ревком якобы действовал в рамках декрета СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г. Сам Дерибас, арестованный в Павлодаре 21 августа 1920 г., был сразу переведен под домашний арест. 27 августа 1920 г. следственной комиссией Семипалатинского губревкома Дерибас был осужден к расстрелу, однако, «учтя чистосердечное сознание и 17 летний партийный

стаж», комиссия постановила «применить ему высшую меру наказания условно на 1 год». Вскоре Семипалатинский губревтрибунал прекратил дело на павлодарских работников за отсутствием состава преступления. Дерibas, имевший, вероятно, влиятельных покровителей, тут же был отозван в Москву, назначен на ответственную должность в Секретный отдел ВЧК и восстановлен в партии [16].

Крайняя и повсеместная жестокость местных властей в отношении повстанцев была следствием соответствующих установок центра. Приказ № 171 от 11 июня 1921 г. особой Полномочной комиссии ВЦИК, созданной решением Политбюро ЦК РКП(б), санкционировал расстрел заложников из населения на территориях Тамбовской губернии, охваченных повстанчеством. В соответствии с этим решением Политбюро в массовом порядке уничтожались заложники и в других регионах. В 1921 г., борясь с повстанчеством на Кубани, власти с помощью особых «политтроек» расстреляли около трех тысяч человек. Даже К. Е. Ворошилов, выступая на пленуме Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), был вынужден признать, что многих из расстрелянных «было бы желательно затем воскресить» [17].

Сохранился отчет одного из уездных начальников боевого участка в Харьковской губернии Казимирчука о том, как публично уничтожали заложников ради устрашения населения, поддерживавшего «бандитов». На Лимано-Изюмском совещании в июне 1921 г. Казимирчук докладывал:

«Нам приходилось созывать сход, выбирать 5 кулаков или 5 подозрительных личностей и на всем сходе рубать их шапками. Такие меры действовали на крестьян и заставляли их выявлять бандитов» [18].

Известный приказ командующего 5-й армией И.П. Уборевича от 22 сентября 1921 г., обращенный к населению Енисейской, Иркутской и Якутской губерний, объявлял о самых жестоких мерах в борьбе с повстанцами. В Якутии, например, в «неблагонадежных» селениях в порядке террора в 1921–1922 гг. расстреливали каждого пятого жителя [19]. Только с марта 1922 г. военно-чекистские отряды в Якутии начали отказываться от практики поголовного истребления пленных повстанцев. Как самокритично отмечал полгода спустя партийный руководитель якутской автономии М.К. Аммосов, «одержав победу над своим бандитизмом, партия одержала тем самым победу над повстанческим движением» [20].

В Горном Алтае, где повстанцы в первой половине 1922 г. контролировали большую часть территории, 21 мая 1922 г. постановлением Алтайского губисполкома — с согласия Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома — были

образованы, как возмущенно писал в июле того же года председатель Верховного Трибунала ВЦИК. Н. В. Крыленко, «чрезвычайные тройки, независимые от [Верховного] Трибунала и выносящие безапелляционные решения». Только через два месяца об этом узнали в Москве, после чего 20 июля Н.В. Крыленко направил главе Сибревкома С. Е. Чуцкаеву послание, в котором протестовал против создания подобных «троек» в момент, когда «Советской властью приданы революционной законности строго определенные формы в виде Уголовного и Процессуального кодексов» и предлагал данные тройки немедленно упразднить [21]. Эти чрезвычайные внесудебные органы осуждали, в числе прочих противников режима, и заложников.

Распространенной практикой было взятие в заложники членов семей руководителей повстанцев. Так, в июне 1920 г. был захвачен и отправлен в распоряжение Алтайской губчека сын вожака крупного восстания на Алтае Г. Ф. Рогова, о чем штаб 26-й дивизии сообщил 24 июня 1920 г. лично председателю Сибревкома И. Н. Смирнову [22]. Аналогичные меры были предприняты и в отношении семьи другого видного повстанческого руководителя — Ф. Д. Плотникова. Красноярский уездный исполком 10 марта 1922 г. объявил, что бандитам даются две недели для сдачи, затем они будут «караться со всей строгостью революционного закона, члены семей скрывающихся и также уличенные в сношении с ними и укрывательстве будут арестовываться и имущество конфисковываться» [23].

Расправы над заложниками были частью политики красного бандитизма [24], открыто практиковавшейся частями особого назначения в уездах Енисейской губернии в 1921–1922 гг. Войсковые части, считая всех хакасов сторонниками и укрывателями бандитов, с особой жестокостью относились к коренному населению, повсеместно учиняя массовые порки, избиения и убийства местных жителей. Начальник второго боеучастка Ачинско-Минусинского боевого района А. П. Голиков (будущий писатель Аркадий Гайдар) в апреле 1922 г. информировал командующего войсками ЧОН Енисейской губернии о том, что против «полудиких инородцев» необходимо применение, по опыту подавления восстания А. С. Антонова в Тамбовской губернии, самых жестких санкций, вплоть до полного уничтожения «бандитских» улусов [25]. Отряд Голикова ограничился отдельными казнями хакасов, в основном занимаясь массовыми избиениями и мародерством (помимо продуктов, бойцы отряда отбирали мануфактуру, золотые монеты, драгоценности), а также пьянством. Другие командиры частей ЧОН вместе с комячейками практиковали взятие заложников и массовые расправы над хакасами.

Отсутствие единообразия в практике заложничества, сопровождавшееся самочинными арестами, конфискацией имущества и прочими «эксцессами», не устраивало коммунистическое руководство Енисейской губернии.

«Как комсостав, так и партийные и административно-советские органы не учитывали всей важности и значения заложничества, так как были случаи, когда заложников отпускали под расписку, после чего [они] неизвестно куда скрывались», — констатировало 31 августа 1922 г. руководство чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом [26].

Последняя была создана на закрытом заседании Енисейского губкома РКП(б) 5 июля 1922 г. под председательством члена губкома А. Червякова [27]. Ее задачей было монополизировать практику заложничества и добиться перелома в борьбе с повстанцами под руководством И. Н. Соловьева. Уже в своем приказе № 1 тройка указала, что «проведение карательной политики в отношении лиц, причастных к бандитизму и родственников бандитов — полностью и целиком принадлежит только тройке» [28].

К 1 сентября 1922 г. тройка арестовала в качестве заложников 256 чел., из них 123 чел. были освобождены «за недоказанностью и отсутствием на них материалов», а остальные 133 чел. были объявлены заложниками и «по степени причастности» разбиты на 3 группы — к 1-й группе отнесено 63 чел., ко 2-й — 15 и к 3-й — 55 чел. [29]. Заложники были сосредоточены при гарнизонах в Балахте, Шарыпово, Ужуре, Чебаках, Соленоозерном и руднике «Юлия», среди них находились семьи повстанческих командиров Друголя, Кулакова, Родионова, Чарочкина, Баскаулова и др. С июля по 20 октября 1922 г. данная тройка провела 32 закрытых заседания и вынесли 7 постановлений о смертной казни заложников. Только в августе по этим постановлениям были расстреляны 18 заложников, в основном женщины, подростки и дети [30]. Согласно данным А. П. Шекшеева, эти расстрелы вызвали у населения и повстанцев панические настроения. В результате в конце 1922 г. чоновцы, поддержанные частью хакасов, смогли нанести отряду Соловьева крупные потери и рассеять его [31].

Эффективность заложничества расценивалась настолько высоко, что спустя 2,5 года после перехода к нэпу, в октябре 1923 г., Томский губком РКП(б), заслушав доклад начальника Томского губотдела ГПУ. М. А. Филатова, принял решение просить Сиббюро ЦК РКП(б) разрешить брать заложниками членов семей «активных бандитов» [32]. Заместитель полпреда ГПУ по Сибири Б.А. Бак активно поддержал своего подчиненного, наложив резолюцию, обращенную к секретарю Сиббюро ЦК РКП(б) С. В. Косиору: «Т. Косиор! Практика

заложничества у нас по Сибири существует и в местах сильного бандитизма она необходима» [33].

Сибирские чекисты были не одиноки в своем стремлении практиковать заложничество. В 1922–1923 гг., при подавлении восстания в Карелии и ликвидации политического бандитизма на Украине, был введен институт ответчиков, обязанных под угрозой расстрела сотрудничать с органами ГПУ и доносить о действиях повстанцев, о лицах, скрывающихся от советской власти и т. д. [34]. Ответчики назначались из «неблагонадежных кулацких элементов» из расчета: по одному от каждых 30 домов в больших населенных пунктах, от 10 домов — в селах и хуторах [35]. А. М. Плеханов полагает, что «варварский институт заложничества» продолжал действовать в СССР фактически до 1926 г., приводя в доказательство распоряжение Дзержинского о захвате на Украине «достаточного количества заложников» в связи с угрозой террора со стороны петлюровцев [36].

Заложничество казалась настолько политически целесообразным, что применение ему было найдено советским руководством и в сфере внешнеполитических отношений. В 1925 г. ОГПУ провело в Москве показательный процесс над немецкими студентами, арестованными по обвинению в подготовке покушения на Сталина, с целью обменять их впоследствии на видного сотрудника ОГПУ. А. Скоблевского, осужденного в апреле 1925 г. в Германии за подготовку вооруженного восстания. Осенью 1926 г. обмен состоялся [37]. Меряя других по себе, высшие руководители СССР всерьез опасались ответного применения заложничества. Когда в мае 1928 г. планировалась организация переправки в СССР освобождающегося из австрийской тюрьмы видного деятеля Коминтерна Бела Куна, заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов озабоченно писал полпреду СССР в Германии Н. Н. Крестинскому о том, «не воспользуется ли гермпра [...], чтобы задержать Бела Куна с целью обмена его впоследствии на шахтинцев» [38], и требовал «заручиться обещанием германского правительства дать Бела Куну беспрепятственный пропуск через Германию» [39].

В заключение отметим, что вопросы о масштабах, формах и методах заложничества как в Сибири, так и в стране в целом требуют дальнейшего изучения.

Документальное приложение

Данные о широком применении заложничества в ходе борьбы с повстанчеством в Хакасии сначала были обнародованы писателем В. А. Солоухиным [40], а потом введены в научный оборот историком А. П. Шекшеевым [41]. Ниже впервые публикуются документы о деятельности чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском уездах в августе 1922 г., являющиеся уникальными по своей жестокости и циничности свидетельствами советской эпохи. Документы хранятся в фонде № 49 Государственного архива Красноярского края. Завершает документальное приложение документ о заложничестве из фонда Сиббюро ЦК РКП(б), хранящийся в Государственном архиве Новосибирской области.

Доклад чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском уездах с 1-го августа по 1 сентября [1922 г.] [42]

с. Ужур 31 августа 1922 г.

Весь отчетный период тройка продолжала свои объезды по тем районам, где имелись заложники, и в настоящее время объезд можно считать законченным, а в дальнейшем будем только выезжать на места лишь в необходимых случаях. Поездки показали, что как комсостав, так и партийные и административно-советские органы не учитывали всей важности и значения заложничества, так как были случаи, когда заложников отпускали под расписку, после чего [они] неизвестно куда скрывались; производились аресты и частичные конфискации имущества семей бандитов без ведома и разрешения на то тройки, что побудило тройку издать приказ № 1 (прилож. 1-е) [43].

Отсутствие работы ГПУ и реформирование ЧОН в первой половине августа имели в некоторой степени свое отражение на работе тройки в смысле подачи сведений; что же касается второй половины августа, когда работа шла по военной линии, стала налаживаться с приездом т. Кокаулина и налаживания работы от ГПУ с приездом члена тройки — уполномоченного ГПУ (вместо Тетерюкова) т. Гордыского [44] — можно отметить углубление и систематичность в работе тройки.

Административно-советские органы местной власти в своем большинстве вызывают подозрение, а иногда и являются прямыми или косвенными пособниками развития бандитизма; а партийные организации ничем особенным себя не проявили.

За весь период работы тройки было определено 256 арестованных, из них — 123 человека освобождены за недоказанностью и отсутствием на них материалов; 133 человека объявлены заложниками, которые по степени причастности

разбиты на 3 группы — к 1 группе отнесено 63 человека, ко II-ой — 15 и к III-ей — 55 человек.

Из числа заложников первой группы расстреляно 18 человек (прилож. 2 — постановление тройки 1, 2, 3, 4). Расстрелы заложников производились в районе проявления действий банд. О произведенных расстрелах через воинские и советские органы тройка объявляет населению всего боевого участка.

Заложники находятся при штабах [в] с. Ужур, с. Балахта, с. Шарыпово, с. Чебаки, станица Форпост [45] и рудник «Юлия».

Производимые воинскими частями действия, выпущенное объявление (прилож. 3) [46] о карательных мероприятиях тройки по отношению заложников и объявления о расстрелах — все вместе взятое, внесло частичное моральное разложение банд и отмечены факты попыток как со стороны рядовых бандитов, так и командиров — явиться с повинной и уже добровольно явилось несколько рядовых бандитов. Карательные мероприятия тройки обезоружили банды в смысле получения материальной помощи [...] [47], укрывательства и получения материальной помощи со стороны населения и даже родственников, что, по мнению тройки, послужило причиной перехода некоторых банд в новый район.

За все время работы заседаний тройки всего было 24 (прилож. 4).

Подведя итог всей проделанной работы тройки можно отметить, что работа углубляется и принимает более систематический характер. № 42.

Предгубчрезвычтройки А. Червяков.

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 117–117 об., Л. 118. Рукописный подлинник.

Объявление [48]

Вследствие неумещающегося бандитизма, сознательного его укрывательства и сообщничества со стороны некоторых лиц, изъято _____ заложников

_____ и другие, кои имеют прямое отношение к бандитизму.

Одновременно с этим доводится до всеобщего сведения, что в дальнейшем за всякое **ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ** с целью грабежа будет **РАССТРЕЛЯНО ПЯТЬ** человек из числа заложников, а за каждого убитого коммунара, красноармейца, совработника и мирного крестьянина будет **РАССТРЕЛЯНО ТРИ** человек заложников.

Бандитам, **ДОБРОВОЛЬНО ЯВИВШИМСЯ** в течение ближайших двух недель — **ГАРАНТИРУЕТСЯ ЖИЗНЬ**.

Командующий Част. Особ. наз. и Свод. Отр. Енисейской губернии: В. Кокаулин [49].

Председатель Чрезвычайной Тройки: Червяков.

Верно: Адъютант Комачон и СО Енис.: Кондратенко.

ГАКК.Р Ф.-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 124. Типографский оттиск.

Приказ № 1 чрезвычайной тройки по ликвидации бандитизма в Ачинско-Минусинском уез[де] Енис[ейской] губ[ернии]

с. Балахта [не ранее 1 — не позднее 31] [50] августа 1922 г.

Наблюдаются случаи, когда воинские части, волисполкомы и комячейки самостоятельно производят аресты лиц, причастных к бандитизму и производят частичную конфискацию имущества, что создает ненормальность и вносит путаницу в систематическую работу тройки. Впредь, для устранения таких явлений, объявляется для сведения и исполнения, что проведение карательной политики в отношении лиц, причастных к бандитизму и родственников бандитов — полностью и целиком принадлежит только тройке, а поэтому все аресты и пр. производить только с разрешения и санкции тройки.

Все материалы по гражданской линии в секретных пакетах направлять в тройку, по военной — через воен[ное] командование группируются в оперштабе Замгубкомчон и пересылаются тройке.

Пакеты, адресованные чрезвычайной тройке, под ответственностью председателей волисполкомов и сельсоветов — принимать и доставлять в тройку немедленно и без задержек нарочными.

Все добровольно явившиеся и задержанные бандиты должны немедленно направляться в тройку для допросов и получения документов на право жительства.

Волисполкомам и райкомам настоящий приказ распространить по сельсоветам и поселкам в трехдневный срок и вывесить на видном месте.

Широко распространить, что постоянное местопребывание тройки [-] село Ужур Ач[инского] у[езда].

За невыполнение настоящего приказа виновные будут предаваться суду выезд[ной] сессии воен. Рев. Трибунала.

Предчрезвычайной тройки Червяков.

Члены Кузнецов, Городынский.

Верно: Секретарь чрезвычайной тройки Н. Черемных.

ГАКК, ф.Р-49, оп. 2с, д. 43, л. 119–119 об. Рукописная заверенная копия.

Постановление № 1

1922 года, августа 6-го дня с. Ужур

Заседание Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском уездах Енисейской губер[нии] в составе председателя члена Ен[исейского] губкома РКП т. Червякова, членов уполномоченного губотдела ГПУ т. Тетерюкова, от подива 26 [дивизии] т. Кузнецова.

Слушали: О вооруженном нападении бандитов [...] [51] июля с. г. на улус Ср. Туим в районе 2-го боев[ого] уч[астка]. Банда под командой Соловьева совершила набег, причем был убит красноармеец бандитами, у которого бандиты захватили винтовку и 100 шт[ук] патронов.

Постановили: На основании совершенно секретной инструкции чрезв[ычайной] тройки, параграф 5-й, расстрелять 3-х человек заложников I-й группы, изъятых из той местности, где бандиты сделали нападение, т. е. из улуса Ср. Туим 2-х ч[еловек] Торобову Авдотью и Торобову Дарью, из улуса Камчат [52] Аешину Александру. Имущество расстрелянных конфисковать и передать уисполкому [53].

Председатель чрезв. тройки Червяков

Члены: Тетерюков, Кузнецов.

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 123. Рукописная копия.

Постановление № 2

1922 года, августа 19 дня с. Ужур

Заседание Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском уездах Енисейской губер[нии] в составе председателя т. Червякова, членов т. Городынского, т. Кузнецова.

Слушали: О вооруженном нападении на д. М. Сютик и разграблении бандитами продовольствия и имущества, принадлежащего Ачминдору [54] (опер(развед) сводка от 17/VIII-22 за № 2).

Постановили: На основании сов[ершенно] секретной инструкции чрезвыч[айной] тройки, расстрелять 5 человек заложников I-й группы, содержащихся на станции Форпост, т. е. Балахчина Ивана, Ульчугачев[а] Яким[а] [55], Балахчина Николая, Рудакова Илью, Молокова Николая без конфискации имущества.

Председатель чрезв. тройки Червяков

Члены: [Городыский] [56], И. Кузнецов.

С подлинным верно секретарь Н. Черемных.

Постановление приведено в исполнение 19 авг. вечером в присутствии членов тройки: Кузнецова, Городыского и коменданта с. Ужур — Кондратенко.

Кузнецов

Городыский

Кондратенко

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 121–121 об. Рукописная заверенная копия.

Постановление № 3

1922 года, августа 19 дня с. Ужур

Заседание Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинском и Минусинском уездах Енис[ейской] губер[нии] в составе председателя т. Червякова, членов т. Кузнецова, т. Городыского.

Слушали: 1. О вооруженном разграблении бандитами Мелецкого волисполкома — в Северном районе Ачинского уезда (телеграмма нач. Северного боерайона от 22/VII-22 за № 367). 2. Об убийстве бандитами замест. упродкомиссара Ачинского уезда т. Эхильвейд [57].

Постановили: На основании сов[ершено] секретной инструкции чрезвыч[айной] тройки, расстрелять 5 человек заложников I-й группы, изъятых из той местности, где бандиты совершили ограбление и убийство, т. е. граждан Байдурова Матвея, Рыжакова Алексея, Рыжакову Пелагею, Другаль Феклу, Монакова Василия без конфискации имущества [58].

Председатель чрезвыч. тройки Червяков.

Члены: [Городыский] [59], И. Кузнецов.

С подлинным верно секретарь Н. Черемных.

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 122 — 122 об. Рукописная заверенная копия.

Постановление № 4

1922 года, 24 августа в с. Балахта

Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском уездах Енисейской губернии в составе председателя Червякова, членов Кузнецова, Городыского.

Слушали: О вооруженном нападении банды на д. Игнаш, разграблении отдел[ения] Балахтинской многолавки (разведсводка № 215 от 15/8–22 г.). О вооруженном нападении банды на с. Петропавловское, убийстве красноармейца (свод[ка] телегр[аммой] № 57 от 15/8–22 г.).

Постановили: На основании совершенно секретной инструкции тройки из заложников I группы Балахтинского района расстрелять: д. А[...] [60] 1. Абакумова Ивана, д. Тоймук 2. Чернякову Феклу 3. Мосина Алекс. 4. Козлова Михаила д. Рыбной 5. Загайнова Прокопа без конфискации их имущества. В отношении же имущества Черняковой Феклы, то ввиду того, что другие члены ее семьи, выпущенные под подписку о невыезде, сбежали, имущество конфисковать через Курбатовский волисполком.

*Предчрезвычайной тройки Червяков,
Члены тройки Кузнецов, Городыский.*

Постановление приведено в исполнение 24 августа вечером в присутствии членов тройки: Кузнецова и Городыского.

И. Кузнецов.

Городыский.

С подлинным верно секретарь Н. Черемных.

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 120–120 об. Рукописная заверенная копия.

Протокол № 10

Постановления Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачин[ско]-Минус[инском] уездах Енисейской губернии 16 августа 1922 г. в составе председателя т. Червякова, членов Тетерюкова, Кузнецова.

Слушали: На основании совершенно секретной инструкции тройки, обсудив материалы на родственников бандитов — нашли таковой вполне доказанным и по степени соучастия постановили: Ниже поименованных родственников бандитки Потехиной Натальи и Соловьева [61], находящейся у Соловьева, — Потехину Лидию и Соловьева Федора [62]— объявить заложницей I-й группы. Шарыпова Андриана, Мешкову Федору и Мешкова Прокопия до выяснения телеграфом о месте нахождения их родственников — содержать под арестом и в случае подтверждения нахождения последних на службе освободить таковых, в противном случае — объявить заложниками I группы.

Председатель А. Червяков.

Члены: Тетерюков, Кузнецов.

ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с. Д. 43. Л. 132. Рукописная копия.

Штаб ЧОН Сибири, III ГПУ, т. Бак [63]

[г. Новониколаевск] 2 ноября 1923 г.

По распоряжению тов. Кассиора [64], на обороте сего препровождается выписка из протокола заседания Президиума Томгубкома от 4/Х-23 г.

§ 2 на заключение. № 1062/с [65].

Зав. сек[ретно-]дир[ективной] частью Сиббюро ЦК РКП Воронин.

Т. Кассиор!

Практика заложничества у нас по Сибири существует и в местах сильного бандитизма она необходима. Б. Бак. 3.ХI-23 [66].

Выписка из протокола заседания № 49/56 Президиума Томского губкома РКП(б)

[г. Томск] 4 октября 1923 г.

Слушали: 2. О борьбе с бандитизмом (т. Филатов [67]).

Постановили: 2. Просить Сиббюро разрешить брать заложниками, в целях окончательной ликвидации бандитизма, членов семьи активных бандитов, ведущих связь с действующими бандами [68].

Пп. Секретарь губкома (Калашников) [69].

Верно: Зав. сек[ретно-]дир[ективной] частью Сиббюро ЦК РКП Воронин.

ГАНУ, Ф.п. 1. Оп. 2. Д. 372. Л. 219–219 об. Машинописный подлинник (л. 219), машинописная заверенная копия (л. 219 об.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цитата взята из обращения заместителя полномочного представителя ОГПУ по Сибири Б. А. Бака к секретарю Сиббюро ЦК РКП(б) С. В. Косиору (октябрь 1923 г.). См. документ № 9.
2. Согласно действующим нормам международного права, заложничество является тягчайшим преступлением, вне зависимости от мотивов взятия заложников.
3. См. документальное приложение.
4. Существует как минимум одно региональное исследование, посвященное проблеме заложничества в Гражданской войне. См. *Черкасов А.А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. Краснодар, изд-во Кубанского гос. университета, 2004.
5. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 20–32 (раздел «Институт заложников»). Здесь же см. многочисленные примеры массовых расстрелов заложников в первые дни «красного террора».
6. См. к примеру: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 14.
7. Там же. С. 15.
8. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 191.
9. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 93. Публикаторы не смогли более точно датировать документ, указав датой 1918 г.
10. *Троцкий Л.Д.* Революция и институт заложников // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938, № 68–69.
11. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 206.
12. *Берлинтейгер Б.* О некоторых малоизвестных страницах гражданской войны в Кузбассе // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. 1995. С. 66. Ссылка на цитату в статье с указанием архивного источника: ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 174. Л. 75.
13. Например, согласно воспоминаниям горно-алтайского партизана и чекиста Я. А. Пасынкова, описавшего в 1927 г. боевые действия Первой горной партизанской дивизии И. Я. Третьяка, «пленных дивизия редко брала, большинству головы отрубали на „рукомойке“». ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2.
14. *Исаев В.В.* Малоизвестные страницы гражданской войны на Алтае — «чарышская трагедия» // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Сб. науч. трудов. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 309–312.
15. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы. В 2-х томах. Сост. В. И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. Т. 1. С. 31.

16. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918 — 1929 гг. М., 2007. С. 159–161.
17. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 356.
18. ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 293. Л. 7–8 (сообщено В. А. Золотаревым).
19. Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Республике Саха (Якутия): 1917–1941 гг. Казань, 1999. С. 155.
20. Тепляков А. Г. Непроницаемые недра... С. 167.
21. Тепляков А. Красный бандитизм // Родина. 2000. № 4. С. 84.
22. Сибирская Вандея. Т. 1. С. 127.
23. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности... С. 371.
24. О красном бандитизме см.: Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79.
25. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 204–205, 210.
26. См. документ № 1.
27. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее... С. 230–232.
28. См. документ № 3.
29. См. документ № 1. Общее количество заложников на октябрь 1922 г. составило 367 чел.
30. См. документы №№ 4–7.
31. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее... С. 230–232.
32. См. документ № 9.
33. Там же.
34. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности..., С. 139.
35. Шаповал Ю. Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. К.: Генеза, 2001. С. 52–53.
36. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности... С. 139.
37. См.: Исаев В.И. Они хотели убить Сталина. ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск, 2005.
38. Под «шахтинцами» имеются в виду немецкие инженеры и монтеры, арестованные по Шахтинскому делу.
39. АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 8. Папка 144. Д. 276. Л. 19.
40. См. Солоухин В.А. Солёное озеро. М., 1994.
41. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006.
42. В качестве адресата доклада указано Губполитсовещание.

43. См. документ № 3.
44. В этом и других документах фамилия уполномоченного ГПУ приведена неразборчиво.
45. Это более раннее название с. Соленоозерное.
46. См. документ № 2.
47. Неразборчиво.
48. Это объявление было отпечатано тиражом 1.000 экз. в Ачинской государственной типографии (бывш. Т-ва печатного дела), г. Ачинск.
49. Правильно: Какоулин Владимир Николаевич (26.09.1888, Гробиня, Латвия — 27.10.1938). Чл. компартии с 1919 г. Латыш, образование — гимназия и год на юрфаке Юрьевского (Дерптского) ун-та. Владел немецким, французским и эстонским языками, занимался живописью и театром. С 1911 г. на военной службе, прапорщик, капитан. С 1919 в РККА, командовал батальоном, полком, бригадой. С 18.5.1922 г. командовал ЧОН Енисейской губ., с 16.08.1922 г. по нояб. 1922 г. командующий вооруженными силами Ачинско-Минусинского боевого района и замчонгуб. Впоследствии помначштаба ЧОН Сибири. В 1930-х годах на преподавательской работе, полковник; уволен из РККА в 1937 г. Работал мастером-инструктором по техучебе леспромхоза в г. Колпашево НСО, арестован 6 апреля 1938 г. Осужден 23 октября 1938 г. к ВМН как член шпионско-диверсионной повстанческой организации. Расстрелян. Реабилитирован в октябре 1966.
50. Часть текста доклада зашита в корешок архивного дела.
51. Пропуск в документе
52. Неразборчиво
53. В цитируемой Солоухиным выписке из приказа №-014/К Какоулина от 21 августа 1922 г. со ссылкой на архивный источник, хранящийся в Ачинском филиале ГАКК (Ф. 16. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–4), указывается, что за нападение на гарнизон Туима банды Соловьева и убийство ими красноармейца на руднике «Юлия» были расстреляны заложники: Аешина Александра (26 лет); Торобова Евдокия (24 года); Торобова Мария (17 лет).
54. Ачинско-Минусинская железная дорога.
55. Рукописная вставка вместо зачеркнутой в первоначальном тексте фамилии «Коконова Семена». Имеется пометка: «вписано ошибочно».
56. Подпись неразборчива.
57. Фамилия приведена неразборчиво.
58. В цитируемой Солоухиным выписке из приказа №-014/К от 21 августа 1922 г., указывается, что за убийство в с. Ужур зам. продкомиссара были расстреляны заложники: Рыжак А. (10 лет); Рыжак П. (13 лет); Другаль Ф. (15 лет); Монаков В. (20 лет); Байдунов М. (9 лет). Так как фамилии расстрелянных полностью совпадают, нет оснований сомневаться в возрасте расстрелянных.
59. Подпись неразборчива.

60. Неразборчиво
61. Поздняя вставка другими чернилами
62. Поздняя вставка другими чернилами
63. Рукописная вставка, очевидно сделана зав. секретно-директивной частью Сиббюро ЦК РКП(б). Сохранено оригинальное название документа.
64. Так в тексте. Общепринятый вариант написания фамилии — Касиор.
65. Вставлен от руки.
66. Резолюция под машинописным текстом записки — автограф Б.Бака.
67. Филатов Михаил Алексеевич (1891 — ?), сотрудник органов ВЧК-ОГПУ с 1919 г., с февраля 1923 г. по сентябрь 1925 г. врид нач., нач. Томского губотдела ПП ГПУ-ОГПУ по Сибири.
68. На документе имеются рукописные резолюции: «На Сиббюро. 6/XI 23 г. [Подпись неразборчива]»; «К протоколу № 49/148/с. 13/XI».
69. Калашников Василий Степанович (1890–1970), секретарь Томского губкома РКП(б) до ноября 1925 г., в 1925–1928 гг. — уполномоченный Наркомата рабоче-крестьянской инспекции по Сибири, член президиума Сибкрайисполкома.